

Переосмысление досуговых цифровых сетей с помощью глобальных городов: метафорический взгляд

ПАЯЛЬ АРОРА

Доцент, отделение медиа и коммуникаций, Школа истории, культуры и коммуникаций (ESHCC), Роттердамский университет Эразма (EUR). Адрес: Postbus 1738, 3000 DR Rotterdam, Netherlands. E-mail: arora@eshcc.eur.nl.

Ключевые слова: глобализация интернета; городские парки; метафора; глобальный город; досуговые социальные сети.

Глобализация и космополитизм досуговых социальных сетей рассматривается через призму метафоры парков в городах мира. Такой подход способствует созданию более инклюзивной экологической среды для общественных досуговых пространств путем стирания традиционных граней между парком и городом. В статье используется метафора глобальных городов, подчеркивающая иерархичность цифровых досуговых сетей. Эти глобальные города служат командными центрами и точками концентрации работников, занятых в промышленности, творческих и досуговых сферах, других привилегированных групп населения, но также и временных работников и мигрантов. Аналогичным образом не все сайты социальных сетей имеют одинаковую силу и влияние. Хотя новые информационные и коммуникационные технологии размывают границы между реальностью и фанта-

зией, реальностью и виртуальностью, не следует забывать о том, что большая часть населения мира проживает в доцифровом мире и выступает невидимой публикой, каким-то образом ускользающей от вездесущих, казалось бы, баз данных.

Бедным и сельским местностям, феноменам преступности и перверсии уделяется мало внимания в дискурсе о глобализации интернета и его досугового двойника — досуговых соцсетей. На языке избранной нами метафоры это равносильно тому, чтобы исследовать город, не обращая внимания на его трущобы, в которых часто проживает, работает и играет половина их жителей. Применяя в статье диалектико-метафорический подход, мы надеемся обогатить концептуализацию города и парка, досуга и труда, виртуального и материального, вовлекая в анализ маргинальные и более разнообразные слои населения.

Говорить о парках по большому счету — значит говорить о городе, равно как и о том, что такое ландшафтная архитектура и что могут сделать ландшафтные архитекторы.

Ясак Ко, Анемон Бек. Парки, люди и город

Осмысление оцифровывания и глобализации... открывает операциональные и риторические возможности для признания насущной важности материального мира — даже в случае наиболее дематериализованных видов деятельности.

Саския Сассен. Гибридное пространство

Диаспоральные социальные сферы, пестрящие различиями, — это горнила постгосударственного политического порядка. Проводниками их дискурса служат средства массовой информации (как интерактивные, так и экспрессивные), а также движения беженцев, активистов, студентов и работников. Вполне вероятно, что возникающий постгосударственный порядок окажется не системой гомогенных единиц (как в существующей системе национальных государств), а системой, основанной на отношениях между гетерогенными единицами (какими-то общественными движениями, группами по интересам, профессиональными образованиями, негосударственными организациями, вооруженными полицейскими силами, органами правопорядка).

Арджун Аппадурай. Современность в целом

Введение

Где заканчивается парк и начинается город? Можем ли мы говорить о парке, не соотнося его с городом? Расположенный в центре городского ландшафта в качестве его общественной и развлекательной публичной области, парк также и децентрирован по отношению к доминирующему функциональному этосу городской жизни. Архитекторы Ясак Ко и Анемон Бек предупреждают, что современные парки эволюционируют в сторону все большей дистанцированности и космополитичности, приспосабливаясь к возможному использованию прохожими. По-видимому, идет на убыль бережное, локальное и уютное устройство городско-

Перевод с английского *Наиры Кочинян.*

го парка, которое пробуждает чувственность и принадлежность к общности. Сделав выбор в пользу более энергичной экологии публичного досугового пространства, дизайн парков предлагает стереть конвенциональные грани между парком и городом.

Парк по мере возможности не должен быть стеснен или ограничен зоной, определенной городскими планировщиками. Он должен быть открытым — визуально, социально и экологически. Он должен быть открыт и для планомерных изменений, для участия сообщества, для эстетического вовлечения потребителей (через использование понятных формальных языков), а также для краткосрочного или длительного владения пользователями. Желательно, чтобы городской парк сегодня мог, подобно спруту, проникать в сам город. Но он должен и впускать в себя город с его нуждами и занятиями, ресторанами, театрами, музеями или даже дополнительным жильем. В результате получился бы «парк в городе» или «город в парке», воплощающий необходимое взаимопроникновение и взаимодополнение природы и культуры, парка и города¹.

Хотя смешение этих двух сфер может, действительно, быть желательным и эффективным для создания более пригодной для жизни социальной среды, границы между ними все же сохраняются в силу исторической устойчивости социальных практик, присущих каждой из этих сфер. Когда эти границы размываются, нужно обратить внимание на точки схождения и расхождения, зачастую стратегически обусловленные, чтобы получить ту или иную социальную перспективу.

Начало эпохи городских парков, особенно в XIX веке, связано с реакцией на быстрый рост индустриализации. В этот период государство, будь то Китай, США или Англия, казалось бы, разделяло представление о городском парке как пространственной стратагеме, стимулирующей современную городскую культуру и чувство общности. Парки повсеместно рождались в диалоге с демократией и урбанизацией — двумя глобальными феноменами, которые предвещали рождение общества модерна. Парки виделись радикальным жестом по выведению города в открытое пространство, предназначенное для людей, для осуществления их разнообразных досуговых и прочих социальных предпочтений. Городские парки как символический, политический и идеологический ландшафты возникли в разных точках

1. Koh J., Beck A. Parks, People and City // *Topos*. 2006. Vol. 55. P. 16.

мира. Невозможно составить представление о парке вне более широкого общегородского контекста. И город, и парк находятся в постоянной игре с силами, требующими контроля. Обе сферы подчинены соображениям практичности устройства для стандартизирования и единообразия, необходимых для нашей эффективности. В то же время социальная населенность обоих пространств обуславливает плюрализм и креативность, необходимые разным людям и институтам, чтобы оставить свой след на этих ландшафтах.

Параллели между различными формами городского парка и социальными сетями с очевидностью преследовали цель подчеркнуть приватизацию, коммерциализацию и политизацию публичного пространства досуга. В этой статье мы ставим перед собой две задачи: 1) представить городской парк частью более обширного городского ландшафта, 2) выявить его глобальную подоплеку. Параллельно — представить соцсети как часть более обширной области, интернета; и второе — заострить внимание на глобализации цифровых досуговых «общих благ» (*commons*). Это вовсе не слишком амбициозно, как может показаться. По прошествии нескольких десятилетий отношения между цифровыми и материальными «общими благами» стали более зрелыми, отлившись в определенную метафорику. Мы научились мыслить интернет через аналогии, концептуализируя информационные магистрали, сети, подспудную логику движения и узлов концентрированного социального действия. Авторитетная книга Уильяма Дж. Митчелла «Город битов: пространство, место и информационная магистраль» (1996) заложила прочный фундамент для сравнения интернета и города. Его пророческий взгляд на сеть как на «софтверный город» вскрывает инфраструктуру и архитектуру, лежащие в основе цифрового пространства, предлагая нестандартный способ осмысления этих новых техносоциальных областей через исторический и урбанистический подходы.

В мире повсеместного оцифровывания и телекоммуникации, тел с электронными расширениями, пост-информационно-магистральной архитектуры и крупного информационного бизнеса сама идея города оказывается под сомнением и должна быть переосмыслена. Компьютерные сети становятся такими же основополагающими для городской жизни, как и уличная система. Память и пространство экрана становятся ценными, востребованными видами недвижимого имущества. Большая часть экономической, социальной политической и культурной деятельности сдвигается в киберпространство. В результате элементы

знакомого городского устройства оказываются на пороге радикального переосмысления².

Митчелл подчеркивает, что, хотя цифровое пространство кажется бесконечным и доступным, в действительности оно подвержено ограничениям доступа и факторам регулирования.

Если ценность недвижимости в традиционном городе определяется расположением, расположением и еще раз расположением (как не устают повторять эксперты по недвижимости), то ценность сетевого соединения обусловлена диапазоном частот, диапазоном частот и еще раз диапазоном частот. Сама возможность доступа оказывается переопределенной³.

Лоуренс Лессиг развивает это сравнение в книге «Код и другие законы киберпространства»⁴. Он провокативно разворачивает весь спектр последствий для виртуальной архитектуры, если код и его строительные блоки вдруг станут контролироваться и регулироваться интересами, вовсе не обязательно демократичными и направленными на всеобщее благо. Лессиг предостерегает: «Мы должны учитывать политику архитектуры жизни в таком мире»⁵. Это было настоящим пророчеством с учетом нынешних дискуссий о структуре больших данных, стремящихся зацементировать наш цифровой опыт в предсказуемые шаблоны, поместить наш досуговый опыт в золотую клетку и с помощью определенной политики алгоритмов направлять наши передвижения по навязанным траекториям. Сравнивая интернет с городом, мы были вынуждены расширить наше воображение, применить наши представления о городском планировании и культурной географии к текущим дискуссиям о форме цифровых общих благ. Другое, часто обсуждаемое измерение этих областей — их сетевой потенциал там, где уплотненная социальность организована огромным множеством способов. Книга Мануэля Кастельса «Сетевое общество»⁶ дала новое понимание современного пространства. Кастельс утверждает, что города должны рассматриваться не как места, но как процессы (он вводит термин «пространство пото-

2. *Mitchell W.J.* City of Bits: Space, Place, and the Infobahn. Cambridge, MA: The MIT Press, 1996. P. 107.

3. *Ibid.* P. 17.

4. *Lessig L.* Code: Version 2.0. N.Y.: Basic Books, 2006.

5. *Ibid.* P. 293.

6. *Castells M.* The Rise of The Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1996.

ков»), через которые проходят идеи, блага и люди, внося каждый свой вклад в богатую структуру отношений. Этим города нас так и привлекают.

Таким образом, устойчивость этой параллели вызревала из исходного утопического понимания сети как нового фронта беспредельного деполитизированного западного пространства⁷ к более структурированному и социоэкономическому феномену хорошо оснащенного и контекстуально определенного цифрового места. Пространство интернета извлекло огромную пользу из открытий и решений, достигнутых в исследованиях материальной сферы, для разработки и концептуализации виртуальной социальной практики. Город претерпевает и собственные метаморфозы. Конечно, не существует универсальной концепции города, но в большой выборке городов мы распознаём сходные устойчивые иерархии, сети и кластеры, структурированные как биом центр — периферия. Некоторые города стали образцами для подражания, их стали называть «глобальными»⁸. Они воспринимаются как господствующие центры, служащие точками опоры для индустриального, креативного, досугового и привилегированного, так же как и временно занятого и мигрирующего, классов. Аналогично не все соцсети имеют одинаковое влияние и зону власти. Фейсбук и твиттер, к примеру, представляют собой виртуальные командные центры цифровой эпохи. Весьма напоминающие глобальные города, они остаются «апатридами» и тем не менее скованы различными национальными законами, локальной социокультурной политикой и практиками.

Таким образом, наша статья в значительной мере опирается на литературу о глобальных городах, используя ее как дискурсивное подспорье. Метафорическая параллель города и интернета, устоявшаяся за последнее десятилетие, используется как отправной пункт. Так мы с помощью паттерна глобального города осмысливаем глобализацию цифровых архитектур. По модели глобальных городов данная статья предлагает описывать глобализацию цифровых досуговых сетей через пространственную метафору *глобальных парков*. В предшествующей литературе указывалось, как городские парки в своих различных формах содержали черты соцсетей, разделяя с ними риторику демократии, парти-

7. Barlow J. P. Declaration of Independence for Cyberspace // RhetNet. 21.05.1996. URL: http://wac.colostate.edu/rhetnet/barlow/barlow_declaration.html.

8. См.: Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001.

ципаторности, открытости и ориентированности на досуг. Безобидные на вид городские парки вызвали скандалы, когда стали превращаться в публичное и демократичное пространство для различных культур и национальностей, принципиально универсальное и кросскультурное. Парки участвуют в общей истории борьбы за осуществление и удержание своего пространства в качестве публичного. За устройством городских пространств досуга кроются намерения, регулирования и ограничения, непосредственно затрагивающие жителей. Исследование глобализации интернета через призму «глобального города» дает ключ для понимания совместных практик в парках в зависимости от их контекстов. Кроме того, это позволит нам сделать конструктивные заимствования из урбанистики и перенести важные дискуссии вокруг глобализации материальной сферы на ее виртуального двойника — интернет и соцсети, чтобы лучше понять политические, социокультурные и экономические измерения глобализации и их онлайн-/офлайн-посредников.

Город и парк

Индустриальная революция привела в конце XIX века к массовой урбанизации, сулившей невиданное экономическое процветание и все же угрожавшей качеству жизни. Налаженная и ориентированная на эффективность инфраструктура города оставляла мало места различного рода публичному самовыражению. Публичные парки выглядели решением проблемы, спасительным клапаном. Ни одно общество не может держаться исключительно на прагматике. Человеческие нужды, желания, стремления и самовыражение являются фундаментальными для любого обжитого пространства. Экоустойчивость и регенерация стали основополагающими принципами движения за городские парки⁹. Таким образом, симбиотические отношения рождаются там, где город питается присутствием своих парков, а парки удовлетворяют нужды, возникающие внутри города. С тех пор ожидания от городских парков только возросли, и исследователи указывают на взаимосвязь этих областей с экономическим, психологическим и социальным благополучием. Досуг оправдывает себя. Отдых продуктивен. Современное общество приходит к более социальному видению и стремится внедрить эти ценности в эстетику

9. The Regeneration of Public Parks / J. Woudstra, K. Fieldhouse (eds). L.: Spon Press, 2000.

паркового дизайна. К примеру, равный доступ к публичным благам стал новой существенной ценностью, отличающейся от предшествующей практики городских парков, доступных только для избранного круга. Будущее сообщества виделось демократическим. Основное внимание теперь уделялось объединению разнородных групп для создания связей и общих интересов, для воспитания ответственного и социально ангажированного горожанина.

Создание публичных зеленых зон, конечно же, возглавила муниципальная администрация. Но вскоре, по мере демократизации обществ, другие акторы стали играть важную роль в их структурировании. Например, Амстердамс Бос, расположенный в голландском Амстердаме, был устроен Городским управлением общественных работ под руководством архитектора Корнелиса ван Эстерена, при содействии ландшафтного архитектора Якобы Мульдер. Команда дизайнеров была мультидисциплинарной, составленной из учителей, ботаников, биологов, инженеров, архитекторов, социологов и городских планировщиков¹⁰.

Такая пестрота команды считалась полезной для концептуализации парка как места, отвечающего нуждам современного города и гарантирующего его устойчивость. В моделях городского парка той эпохи, таких как парк Андре-Ситроен в Париже и городской парк Порто в Португалии, проявилась новая черта — гражданская вовлеченность в устройство публичного пространства. Кроме того, расположение парка, прежде периферийное, теперь стало центральным по отношению к устройству города, занимая главное место и определяя образ самого города. Экономическая устойчивость самого парка привела с течением времени к росту влияния корпоративных магнатов, инвестировавших в этот современный проект. Индустрия очень быстро заподозрила, что эти на вид невинные зеленые парки могут привести к реальному росту прибыли и благосостояния, увеличить стоимость примыкающей недвижимости и поднять ценность города в глазах его жителей. Эти идеи нашли живой отклик, и мир охватило движение за городские парки. Парк Виктория в Лондоне и Центральный парк в Нью-Йорке служили образцами просвещенного устройства парков, представляющими интересы всего города.

Легко купиться на романтическую историю глобально-совместной концептуализации публичного парка и принять его дизайн

10. Loures L. et al. Urban Parks and Sustainable City Planning — The Case of Portimão, Portugal // *Wseas Transactions on Environment and Development*. 2007. Vol. 10. № 3. P. 171–180.

и архитектуру за глубоко положительную норму социального порядка. В конце концов, кто будет возражать против соседства с парком? Кто воспротивится такому общему благу? Однако ничто не сакрально. Джейн Джейкобс, американская активистка 1960-х годов, казалось бы, едва ли могла повлиять на городское планирование и обновление. И все же идеи именно ее книги «Смерть и жизнь больших американских городов»¹¹ (например, идея «социального капитала») стали сегодня общепринятыми. Она тщательно изучила бездумную имитацию планирующими инстанциями моделей развития и их перенос на существующие публичные сферы без учета контекстов, в которые им предстояло встроиться. Ей нравилось раздражать интеллигенцию, демонстрируя, как «обновление» города, вопреки своим футуристическим обещаниям, порождает трущобы. Она без колебаний опровергала распространенные в то время мифы, что парки — это хорошо, а хаотичное столпотворение — плохо. Она настаивала, что изолированность парков несет угрозу, а перенаселенные районы наименее опасны для жизни.

Если обратиться к цифровой сфере, то здесь мы столкнемся со сходным симбиотическим отношением интернета с соцсетями или тем, что Тим О'Райли называл «партиципаторной архитектурой». Интернет представляет собой глобальную систему взаимосвязанных IP-сетей, дейтаграммных структур, обеспечивающих обмен и циркулирование информации. Он служит собранием взаимосвязанных документов (веб-страниц) и других ресурсов, соединенных гиперссылками и сетевыми адресами (*URLs*), связывающими миллионы устройств. Он поддерживает разнообразные сервисы, такие как электронная почта, файлообменники, интерактивные видеозвонки, онлайн-сообщества и, конечно же, социальные сети. Иными словами, интернет предназначен для электронной коммерции, управления и ведения социальной и экономической деятельности, включая цифровые досуговые практики. Развитие и использование интернета в последнее десятилетие в основном относят на счет популярности социальных сетей, предназначенных для развлечения, игр и удовольствия. В самом деле, то, что термины «интернет» и *Web 2.0* часто используются как взаимозаменяемые, свидетельствует о господстве социальных и досуговых электронных платформ (таких как фейсбук, твиттер и *Syworld*, а также множества сайтов обмена информацией) в вос-

11. Джейкобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011.

приятии цифровых пространств. Похоже, что пользовательская и партиципаторная культура просачивается сквозь эти границы и проникает в сами цифровые области. Стало очевидно, что эти сферы досуга весьма коммерчески жизнеспособны и прибыльны, поскольку побуждают многих игроков частного сектора использовать досуговую архитектуру в интересах своего успешного позиционирования. И, как напоминает нам Джейн Джейкобс, несмотря на их партиципаторную притягательность, эти публичные сферы могут и не подходить обществу. Преступная деятельность и сексуальные девиации, например, паразитируют на транснациональных сетях, распространяясь и заручаясь поддержкой диаспоральной публичной сферы. Если транснационализм цифровой сферы уже не раз обсуждался в литературе, неизученной остается деятельность командных центров внутри высококонкурентного цифрового и материального ландшафта.

Глобализация городских и цифровых общих благ

Глобальный город, командные центры и корпоративные сети

К осмыслению иерархий внутри социопространственных сетей и их выхода на глобальный уровень за последние несколько десятилетий подходили через конструкт «глобальных городов». Хорошо известные сторонники этой идеи Джон Фридман, Саския Сассен и Питер Тэйлор утверждают, что некоторые города, благодаря своим экономическим, политическим и культурным ресурсам, должны быть в известной мере отделены от государственной системы, поскольку оказывают самое разнообразное воздействие по всему миру. В противовес расхожим представлениям о несовместимости глобализации и границ¹² инновационный тезис Сассен о «глобальном» городе построен на выделении тех границ, где своеобразная центробежная локализация города способствует денационализации этих структур. Иными словами, Нью-Йорк, Токио, Лондон или Париж находится в пузыре определенной политики благодаря своей исключительной способности привлекать и удерживать глобальный поток социокультурного и экономического капитала. Эти города, таким образом, практически не от-

12. См.: The Global Transformations Reader // D. Held, A. McGrew (eds). Cambridge, UK: Polity Press, 2000; Фридман Т. Плоский мир 3.0. Краткая история XXI века. М.: АСТ, 2014.

ражают более широкой национальной культуры, в лоне которой они расположены.

В своей одноименной книге Сассен определяет «глобальные города» как

...стратегические места в глобальной экономике, которые, благодаря концентрации командных функций и высокоуровневых фирм, предоставляют услуги производственного назначения, ориентированные на мировые рынки; в более общем виде это города с высоким уровнем интернационализации своей экономики и своей широкой социальной структуры¹³.

Обозревая множасьшую литературу об этом явлении, Бреннер и Кейл¹⁴ формулируют следующие его основные характеристики:

- наличие точек осуществления глобальных операций международными корпорациями;
- наличие площадок и рынков для оказания финансовых и производственных услуг;
- выявление проблемных узлов внутри широкой иерархии городов, стратифицированных в зависимости от способа интеграции в мировую экономику;
- роль ведущих локальных центров для крупных региональных экономик или городских агломераций.

В осмыслении «глобального города» большое значение придается роли финансовых рынков, реорганизующих пространственную структуру городов и формирующих новую межнациональную классовую систему внутри них. Сассен называет эти города «командными пунктами» корпоративной власти, которая стимулирует формирование сетей не только из финансовых элит, но и из масс низкооплачиваемых рабочих-иммигрантов¹⁵.

Уильям Кэрролл подчеркивает связь между глобальными городами и транснациональными корпоративными сетями, однако утверждает, что роль государственности не падает, поскольку региональное право, политика и экономические условия продолжают ограничивать эти образования¹⁶. Не будучи консолидированной и централизованной силой, корпоративная власть обременяет

13. Sassen S. The Global City. P. 154.

14. The Global Cities Reader / N. Brenner, R. Keil (eds). L.: Routledge, 2006. P. 11.

15. См.: Sassen S. Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006.

16. Carroll W. K. Global Cities in the Global Corporate Network // Environment and Planning A. 2007. Vol. 39. No. 10. P. 2297–2323.

нена собственными точками напряжения, которые зачастую отражают локальную/национальную специфику и внутренние связи. К примеру, нельзя считать, что *Shell* в Великобритании действует абсолютно так же, что и *Shell* в Нидерландах. Эти организационные образования демонстрируют большую сегментированность в силу своих стратегических, операциональных и распределительных черт:

Стратегическая власть выражается в принятии структурных решений и касается определения базовых долгосрочных целей и мер по их достижению. Операциональная власть включает фактическую реализацию корпоративной стратегии внутри головного и подчиненных офисов, вспомогательных и дочерних подразделений. Наконец, существует распределительная власть, принадлежащая финансовым институтам, чей коллективный контроль над доступностью капитала «дает им власть устанавливать самые общие условия, в которых другие предприятия должны определять свои корпоративные стратегии»¹⁷.

Таким образом, за функционированием мультинациональной корпорации стоит множество национальных игроков и процессов. Хотя государство продолжает осуществлять свою власть, в нашу эпоху глобального аутсорсинга работники из дальних стран могут использовать (и время от времени действительно используют) свое право голоса, даже находясь за пределами западных штаб-квартир. Так, если вернуться к примеру с *Shell*, нигерийское региональное подразделение не осталось в стороне от борьбы сообщества Кула в штате Риверс за соблюдение корпорацией экологических гарантий устойчивого развития. Или, к примеру, катастрофическое и смертельное обрушение швейной фабрики в Дакке так потрясло потребителей одежды в глобальных городах, таких как Берлин и Хельсинки, что вынудило мультинациональную текстильную индустрию дать вразумительный ответ о ситуации на этой периферии. Часть этой сети ответственности имеет отношение к подвижности и циркуляции труда, более изощренным технологиям коммуникации, которые обеспечивают интерактивность, вовлеченность и публичную осведомленность о локальных происшествиях.

Хотя это может служить оптимистичным знаком ломки тех господствующих нормативных структур, что исторически обусло-

17. Scott J. *Corporate Business and Capitalist Classes*. N.Y.: Oxford University Press, 1997. P. 139.

вили эти образования, Тэйлор указывает на весьма небезобидный потенциал подобных межгородских конфигураций, связанный с возникновением «новой сетевой буржуазии», глобальной плутократии¹⁸. Иными словами, крупнейшие глобальные сайты и транснациональные корпорации действуют заодно для укрепления своего могущества и сдерживания малых фирм и городов. В самом деле, концепт глобального города подвергся суровой критике за его прозападный уклон, отрицающий рост и влияние городов южной части света. К Нью-Йорку, Токио, Парижу, Амстердаму и Берлину обращаются всякий раз, чтобы проиллюстрировать их лидерство, тогда как городам развивающихся рынков достаются лишь крупинцы внимания. Это тревожный сигнал, поскольку значительная часть мирового населения проживает на периферии и существенно наращивает свое влияние и численность. Вопреки утверждениям, что власть, к сожалению, концентрируется и циркулирует в пределах традиционного клуба западных глобальных городов, в последние годы в нем происходят некоторые подвижки. В частности, некогда считавшийся периферийным Мехико подошел к центру, тогда как некоторые индустриальные центры (например, Детройт) оказались оттесненными на периферию¹⁹.

Названные новейшие тренды напоминают о том, что глобальные города сами по себе не статичны: они развиваются, перемещаются и изменяются. Чтобы лучше ухватить динамизм этой категории, точнее было бы назвать их «глобализирующимися городами»²⁰. Следует также принять во внимание смысловые импликации, которые этот термин может приобретать в ходе определенной гомогенизации и нормализации разных городов по всему миру, которые, пусть и при известной вариативности, вынуждены следовать предписанной модели. Робинсон осуждает эту тенденцию, утверждая, что «глобальные города стали примером, к которому стремятся многие города по всему миру»²¹, и предупреждая о разрушительном воздействии, которое этот процесс может оказать на экономически менее благополучные города, вы-

18. *Taylor P. J. World City Network: A Global Urban Analysis*. L.: Routledge, 2004.

19. *Sassen S. Locating Cities on Global Circuits // Environment and Urbanization*. 2002. Vol. 14. № 1. P. 13–30.

20. *Globalizing Cities / P. Marcuse, R. Van Kempen (eds)*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2008.

21. *Robinson J. Global and World Cities: A View from off the Map // International Journal of Urban and Regional Research*. 2002. Vol. 26. № 3. P. 548.

нужденные имитировать подобные модели ценой отказа от равного участия, доступа и использования среды всеми горожанами. Любопытным следствием этих процессов стало возникновение новой пространственной формы «особых экономических зон» (в частности, в странах БРИКС), предусматривающих значительные привилегии определенных регионов внутри страны над другими. В пределах этих новых территорий поток сервисов относительно свободен от государственного регулирования и вмешательства. Таким образом, глобальные города могут быть произвольно сконструированы внутри нарождающихся рынков и выглядеть при этом менее национально ориентированными и более интернациональными, позволяя государствам соревноваться на цифровом и глобальном рынке.

Наконец, другое устойчивое и кажущееся расхожим представление об игре с нулевой суммой состоит в том, что «глобальный город» якобы противостоит государству, а его мощь достигается ценой ослабления последнего. Однако все обстоит совсем наоборот: подъем отдельных глобальных городов — зачастую результат политики национального государства, и такое стратегическое маневрирование помогает использовать глобальные города для надлежащего позиционирования государства в глобальном ландшафте. Территориальное господство достигается за счет наделяния определенных городов привилегиями и создания «глокальных» узлов концентрации конкурентных преимуществ²². Таким образом, наивно полагать, что город и государство всегда находятся в принципиальной оппозиции друг к другу. Следует всерьез учитывать возможность политических и прочих союзов между этими акторами.

Неслучайные параллели обнаруживаются в дискуссиях об интернете и его глобализирующем потенциале. Имеющий множество сходств с городским ландшафтом, интернет представляет собой техносотциальную инфраструктуру узлов и сетей. Однако важнее, как соединяются и какой образ эти структуры приобретают в глобальном измерении. Рождение и распространение интернета было тесно связано с феноменом глобализации; некоторые считают, что новые цифровые структуры во многом обошли государство и создали новые аффилиации, пренебрегающие нацио-

22. *Brenner N. Global Cities, Glocal States: Global City Formation and State Territorial Restructuring in Contemporary Europe // Review of International Political Economy. 1998. Vol. 5. 1. P. 1–37.*

нальной географией²³. Такой взгляд приписывает коммуникационным сетям укрепление социальных связей и создание культуры поверх границ и барьеров²⁴. Другие утверждают, что речь идет о расширении пределов досягаемости государства и предоставлении ему беспрецедентного контроля в социальных сферах, иногда при содействии мультинациональных корпораций.

Эту дискуссию можно существенно дополнить, обратившись к литературе о глобальных городах. Прежде всего нужно определить, чем являются цифровые командные центры, и измерить их сферу влияния. Первыми приходят на ум такие кандидаты, как фейсбук и твиттер. Эти платформы присвоены несколькими странами и регулярно идут на уступки локальной политике, правилам и нормативам. С точки зрения защиты частной жизни граждан различия в регулировании приводят к тому, что операционализация этих цифровых инфраструктур различается в зависимости от того, находятся ли они в Европе или США. После многочисленных недавних медийных историй об их роли в так называемой арабской весне нередко сообщается об очередных переговорах с разными государствами, которые пытаются контролировать цифровое пространство. Конечно, учитывая глобальный размах этих цифровых командных центров, неоспоримо, что они имеют огромную власть и диктуют правила игры. И все же корпоративные интересы вынуждают их сотрудничать с государствами и иногда даже идти им навстречу. Впрочем, главные китайские платформы социальных медиа, такие как *Sina Weibo*, *Renren*, *Tencent*, *Douban* и *Wechat*, пользуются огромной поддержкой государства, пока ценой самоцензуры демонстрируют свою лояльность. Таким образом, было бы ошибочно подгонять эту дискуссию под дихотомию «государство vs цифровые командные центры»; напротив, следует анализировать сложное взаимодействие сил, циркулирующих между этими двумя образованиями. Как мы уже видели, порой государство целенаправленно поддерживает некоторые глобальные города, чтобы стать крупным игроком в транснациональной сфере.

Интересно, что модель центра/периферии, которая использовалась для оценки роли глобальных городов и «новой сетевой

23. Graham S., Marvin S. *Splintering Urbanism: Networked Infrastructures, Technological Mobilities and the Urban Condition*. L.: Routledge, 2001.

24. Rosen D. et al. *Social Networks and Online Environments: When Science and Practice Co-Evolve // Social Network Analysis and Mining*. 2011. Vol. 1. № 1. P. 27–42.

буржуазии», также применима для изучения глобализации интернета. Авторы недавнего исследования анализируют отношения между глобализацией и интернетом, в частности исследуя сеть, связывающую код страны с национальными доменами верхнего уровня²⁵. Результаты показали, что международные сети гипертекстовых ссылок полностью взаимосвязаны. В центре сети находятся страны «Большой семерки» и Испания, на периферии — беднейшие страны Африки, Азии и Латинской Америки. Совпадение с клубом глобальных городов и, что важнее, командных центров, расположенных на Западе, позволяет осознать устойчивость цифровой и материальной плутократии, встроенной в структуры глобальных сетей. Авторы исследования попытались выяснить, стал ли интернет более индивидуализированным и фрагментированным или же это цифровое пространство продолжает функционировать в рамках национальных государств. Полученные данные позволили им констатировать укрепление классического миропорядка и системы отношений и взаимозависимости между центром, периферией и полупериферией, что ставит независимость цифровых сетей под вопрос. Так, оказывается, что развитие нации может быть понято через анализ «систематических способов, которыми общества связываются между собой в контексте более широкой сети материального, экономического и информационного обменов»²⁶.

При анализе глобальных городов несоразмерное внимание зачастую уделяется экономическим аспектам в ущерб социокультурным. Тем же грешит и анализ глобализации интернета. И хотя в действительности существует глобальная система, связывающая национальные государства, имеются также региональные образования, объединенные языком, культурой и географией и не соблюдающие конвенциональных границ. Хотя мир-системная теория остается верной в части исследования неравенства и богатые нации теснее связаны между собой, нежели менее процветающие, тем не менее развивающиеся рынки, несомненно, добились значительных успехов на международной сцене с 2003 года и функционировали более стабильно и консолидированно в качестве региональной группы, чем раньше. Хотя в 2003 году США находились

25. *Park H. W. et al. Structural Changes in the 2003–2009 Global Hyperlink Network // Global Networks. 2011. Vol. 11. № 4. P. 522–542.*

26. *Barnett G. A., Park H. W. The Structure of International Internet Hyperlinks and Bilateral Bandwidth // Annales des telecommunications. 2005. Vol. 60. № 9–10. P. 1112.*

в центре этой системы, к 2009 году они уже делили пьедестал с Европой, особенно с Германией. С недавних пор большое внимание стали уделять подъему стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) и предаваться спекуляциям на тему их роли в структурировании интернета. Однако не все возникающие рынки равны: Бразилия и Россия более тесно связаны с глобальной ареной, нежели Китай и Индия. Отчасти это можно объяснить тем, что последние на сегодняшний день обладают крупными внутренними цифровыми экономиками. Несмотря на грандиозную роль Китая в современном мире, он находится в международной интернет-сети куда дальше от центра. Китай реализует специфическую стратегию, связанную с приобретением различных систем языковых кодов для создания собственной региональной группы и предлагает системные усилия по формированию своих «огороженных садов» внутри «Великого китайского файервола».

В недавних исследованиях была показана гетерогенная природа интернета и прозвучало предложение всерьез использовать термин «интернеты» (мем, некогда порожденный оговоркой президента Буша-мл.). Корпоративная и государственная политика медленно, но верно вторгается на территорию, которая изначально виделась неконтролируемой никакой компанией, институтом или государством. Наглядным примером может служить возникновение таких интернетов, как китайский — с собственным цифровым файерволом, эффективно фильтрующим потоки информации в соответствии с государственными интересами²⁷. Однако китайские граждане вовлечены в эти структуры и используют их для самовыражения и отстаивания своих взглядов, формируя куда более динамичное и сложное цифровое пространство, чем рисует авторитаристская исследовательская парадигма. Линдтнер и Шаблевич утверждают, что у Китая не один, а много интернетов:

Интерфейс, контент и широкое общественное значение интернет-технологий сегодня определяются не столько разработчиками программного обеспечения и проектировщиками, сколько сложной сетью участников, включающей пользователей, корпорации, государственных деятелей и политиков. В сущности, важно осознавать, что онлайн-практики, такие как использование поисковых систем, создание и изменение цифрового контента, не обособлены от культурных процессов, общественных дискурсов и политических дебатов. Вместо того чтобы представ-

27. Zhong Y. The Chinese Internet: A Separate Closed Monopoly Board // Journal of International Communication. 2012. Vol. 18. № 1. P. 19–31.

лять быстрые изменения китайского IT-ландшафта единичным, обособленным процессом, мы настаиваем на необходимости отслеживать «множественные интернеты», развитие которых зависит от более широких культурных изменений (сдвиги в социально-экономических классовых характеристиках, проекты политической модернизации и экономические реформы)²⁸.

По мере того как корпоративные, государственные и иные игроки со своими обоснованными интересами вносят собственный вклад в развитие интернета, становится очевидным отсутствие единой программы или политики, предписывающей направление и природу подобной цифровой географии. Это не означает, что между этими силами нет никакой иерархии. Исследование потоков цифровых сетей и их проекцию на европейские городские сети, включая экономические взаимосвязи, показало, что центральные города располагали бóльшим влиянием и масштабами информационного потока в сравнении с периферией даже при сходном уровне физических взаимосвязей²⁹. Для иллюстрации рассмотрим группу глобальных городов так называемого бриллиантового интернета, включающую Лондон, Париж, Франкфурт и Амстердам, которые служат важными узлами европейских городских и цифровых общих благ³⁰. Ожидается, что этот центр влияния протянет свои щупальца далеко за пределы региона, утверждая европейское господство над глобальной базовой инфраструктурой интернета. Политика силы, поддерживающая сетевую инфраструктуру и характер глобальной сети, напоминает нам, сколь узкий круг игроков стоит за пониманием интернета как общественного достояния. Несмотря на возможности коммуникационных технологий стимулировать свободу местоположения и мобильности, мы продолжаем наблюдать, как силы агломерации поддерживают опережающий рост городских и информационных ландшафтов.

В отношении тенденции к урбанизации и цифровизации пространства сегодня было бы, вероятно, эффективнее принять более

28. Lindtner S., Szablewicz M. China's Many Internets: Participation and Digital Game Play Across a Changing Technology Landscape. Paper presented at the China Internet Research Conference, Peking, China, 2010. URL: http://feiyao-wan.files.wordpress.com/2011/09/lindtner_szablewicz-circ_final.pdf. P. 2.

29. Derudder B. et al. Pathways of Change: Shifting Connectivities in the World City Network, 2000–2008 // *Urban Studies*. 2010. Vol. 47. № 9. P. 1861–1877.

30. Tranos E., Gillespie A. The Urban Geography of Internet Backbone Networks in Europe: Roles and Relations // *Journal of Urban Technology*. 2011. Vol. 18. № 1. P. 35–50.

интегрированную дискурсивную позицию. Очевидно, что города пронизаны медиа, а цифровые сети, как никогда, глубоко встроены в городскую географию. Это касается, например, перемещений городов по шкале центр/периферия и того, как это отражается на их цифровых сетях. Мехико, на данный момент занимающее второе место среди развивающихся рынков, по прогнозам, сместится на пятую строчку, в то время как Мумбаи перейдет с третьей позиции на вторую. Вверх поднимутся такие регионы, как Дели (с 6-й на 3-ю позицию), Дака (с 10-й на 4-ю) и Лагос (с 14-й на 7-ю). Помимо заметной динамики периферии, одновременно наблюдаются изменения в масштабах и скорости сетевых инфраструктур и концентрации этих географических узлов. Иными словами, недавние исследования подтверждают устойчивую взаимосвязь между виртуальной и материальной сферами социальной жизни. Сетевая и городская инфраструктуры как бы синхронизировались, породив сложный и богатый образ глобализации социальных сетей и структур.

Такая перспектива может увенчаться успехом благодаря усилиям государства по наращиванию цифрового присутствия в форме «умных городов». В этом процессе онлайн- и офлайн-сети сводятся воедино пространственной медиатизацией посредством новых технологий:

Цифровое пространство городов описывается также как система, составленная из четырех концентрических колец. В центре располагаются широкополосные сети, проводные и беспроводные инфраструктуры, устройства коммуникации, накопления и обмена данными. Сетевые технологии хранения данных, обработки и визуализации образуют второе кольцо. Третье кольцо составлено из цифровых приложений для электронного управления сетями коммунального обслуживания и устойчивого развития. Внешнее кольцо составлено из электронных сервисов, нескольких избранных приложений, которые реализуют жизнеспособные бизнес-модели и предоставляются в виде услуг на регулярной основе³¹.

Высокая концентрация цифровых городов использует «зеркальную» логику в смысле репрезентации и воспроизведения различных зон реального города на базе онлайн-технологий. Это позволяет расширить функции города и трансформировать физические

31. *Komninos N. et al. Special Issue on Smart Cities and the Future Internet in Europe // Journal of the Knowledge Economy. 2012. Vol. 4. № 2. P. 123.*

городские конфигурации для более эффективной синхронизации с виртуальным двойником. Интересным примером таких инициатив служат цифровые города корпорации AOL, собирающие информацию для покупателей и туристов из соответствующих городов и интегрирующие в них местную рекламу для вертикальных рынков. Другие примеры: «Цифровой город Амстердам», платформа для различных коллективных сетей и социальных взаимодействий среди граждан, «Виртуальный Хельсинки», представляющий виртуальную трехмерную реконструкцию всего города, и «Виртуальный город Киото», также представляющий трехмерное виртуальное пространство, снабженное аватарами и предлагающее информацию, связанную с движением в городе, погодой, парковкой, магазинами и достопримечательностями³². Но не только центральные города используют сетевую репрезентацию; иногда к сетевым возможностям прибегают и периферийные города, ищущие способа войти в центральную группу. Хороший пример дает Манчестер, для которого «умная» повестка служит инструментом создания более инклюзивной, креативной и устойчивой городской среды. В частности, городское сообщество сделало выбор в пользу открытых инноваций в форме совместного производства новых цифровых сервисов для горожан и туристов. Такая политика особенно уместна, когда индустрия развлечений и туризма растет в геометрической прогрессии параллельно с усилением среднего класса во всем мире. Системы городской/цифровой навигации позволяют создать симуляционную модель жизни в городе, опыт которой переносится в цифровую сферу. Горожанин становится пользователем, вовлекающимся в обе сферы, зачастую с позитивной экономической и социокультурной отдачей.

Итак, существует достаточно свидетельств наличия связи между конструктами глобальных городов и глобализацией интернета, где первые получают виртуальное присутствие и цифровое воплощение, а структуры интернета влияют на восприятие и обустройство наших жилых сред. Это размывание границ между онлайн- и офлайн-режимами социальной жизни создает более комплексное понимание самих инфраструктур в их политическом и социоэкономическом измерении. Прежде всего мы зафиксировали значительный сдвиг от более общей модели города/интернета к более гетерогенной и децентрализованной модели глобаль-

32. *Ishida T. Understanding Digital Cities // Lecture Notes in Computer Sciences. 2000. Vol. 1765. P. 7–17.*

ных городов/интернета. Последние эмпирические исследования показали, что эти два конструкта обнаруживают множество общих черт (например, физическая структура городов и двоично-кодовая сцена интернета, которые не могут рассматриваться изолированно от ансамблей, заданных экономическими и социополитическими характеристиками). Требуется больше мобильности и динамизма, чем предполагалось, поскольку на структуры конвенциональной власти оказывается постоянное давление по мере возникновения новых рынков и большей диверсификации в сетевых культурах — как в материальном, так и в цифровом отношении. Национальное государство вовсе не самоустраниется из этих структур, но наряду с представителями частного сектора вовлекается в создание обособленных зон на эксклюзивных условиях. Как мы видели, государство не следует жестко противопоставлять глобальному городу, напротив, оно может давать первоначальный импульс созданию подобных городских образований для усиления своих конкурентных преимуществ на международной арене.

Транснациональные публичные сферы, глобальное/сельское и культурный метрополис

Выше мы упоминали о создании трансграничных цифровых кластеров, основанных на общности культуры, языка, политических и медийных интересов. Многочисленные исследования посвящены транснациональной публичной сфере в эпоху новых коммуникационных технологий, возникающих в ответ на некоторые современные события и течения. В частности, «исламская публичная сфера» концентрируется на глобальных союзах на религиозной арене, а «диаспоральная» — на миграции людей и их идентичности на мировой сцене³³. Важнейшим для этого виртуального пространства оказывается чувство вовлеченности и демократической партиципаторности, которое изначально определяется не государственными, но иными, более специфичными для культуры данных пространств правилами игры. Вполне ожидаемо в этих сферах выделяются атрибуты, присущие также и хабермасовской «публичной сфере». Хабермаса не раз упрекали в том, что он опирается на Вестфальское политическое воображаемое, при этом проповедуя эгалитаризм. Феминистки, мультикультуралисты и антирасисты с энтузиазмом ставили под сомнение эти понятия,

33. См.: *Fraser N., Nash K. Transnationalizing the Public Sphere. Cambridge: Polity, 2013.*

поскольку многие свидетельства подтверждают, что участие редко бывает равным, и вместо этого учредительные власти влияют на эти сферы в угоду отдельным группам и лицам.

Дискурсивное образование сообществ не по националистическим признакам отнюдь не является новым. Арджун Аппадурай обращался к этому предмету уже в своей книге «„Современность“ на просторе: культурные измерения глобализации»³⁴, где он представил долгожданную строгую концептуальную рамку для расплывчатого понятия глобализации. Он предложил пространственные метафоры, такие как этно-, медиа-, идео-, финансо- и техноландшафты (*ethnoscapes, media-, ideo-, finance-, technoscapes*), и подчеркнул особенную важность истории и географии того или иного контекста для обоснования дискурса, сопровождающего это культурное движение. В конце концов, не бывает «впервые» заселенных территорий, свободных от прежних культурных слоев. Старое и новое перемешиваются и обогащают друг друга. В своей книге «Будущее как культурный факт»³⁵ Аппадурай показывает, как сети сплетаются в единый глобальный феномен. В частности, алмазная торговля, уточняет он, не просто локализована в глобальных городах (в Лондоне, Антверпене и Нью-Йорке), но и зиждется на крайнем насилии на периферии (Сьерра-Леоне, Конго и Ангола, маркетинговые посредники в Индии). Таким образом, глобальные культурные потоки оказывают огромное влияние на «производство локальности» глобального города вроде Антверпена. В нашу эпоху цифровых и материальных сетей мы должны более критично подходить к оценке производимых этими сетями «потоков». Аппадурай предлагает «различать проблемы циркуляции и связности», исследуя уровни их влияния. Например, турецкие гастарбайтеры активно перемещаются между Турцией и Германией, что не означает более тесной связи между культурами двух стран.

Что же мы можем извлечь из возникновения многочисленных цифровых платформ и приложений, которые сулят преодоление локальности? Современные мобильные приложения разрабатываются с учетом фактора глобальной диаспоры. Цифровые аудитории выглядят фрагментарными, разобщенными, зачастую локальными, тогда как в действительности носят всеобъемлющий характер. Некоторые краудсорсинговые ресурсы, такие как «Википедия»,

34. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.

35. *Idem*. *The Future as Cultural Fact: Essays on the Global Condition*. L.; N.Y.: Verso Books, 2013.

«Кикстартер» и «Групон» (международный сайт скидок и рекламы), предстают полноценными цифровыми командными центрами. Подобно глобальным городам, они функционируют в составе международных альянсов и кажутся подотчетными не государству, но своим уникальным культурным сферам. Так, сфера влияния «Групона» простирается на Европу, Азию, Южную и Северную Америки с 35 млн зарегистрированных пользователей по всему миру. Хотя и основанная в Чикаго, едва ли она принадлежит этому месту сегодня. Вместе с тем ее бизнес глубоко укоренен в исторических практиках купонов и подарочных скидочных сертификатов, имеющих хождение в местных ресторанах и супермаркетах. Успех в различных точках планеты платформе обеспечивают союзы с локальными компаниями, муниципалитетами и индустрией услуг соответствующих городов. Ее предложения учитывают местные культурные нужды, потребности и желания, а не некое абстрактно глобальное потребление. В своей основе и по своей природе они действительно локальны, хотя и приписываются глобальной модели цифрового дисконтирования. По Аппадурай, связность может быть высокой в том смысле, что «Групон» может привлекать аудиторию на глобальном уровне, если она того пожелает, однако циркуляция самих практик потребления тесно связана с ближайшими ресторанами и излюбленными продуктовыми магазинами публики.

Один из новых трендов состоит в стремлении к локальности в эпоху триумфа урбанизации. Причиной тому — фундаментальное беспокойство: как получилось, что мы не знаем своего соседа, но хорошо знакомы с каким-нибудь онлайн-незнакомцем? Если у нас хватает времени на какую-то глобальную проблему, почему бы нам не заинтересоваться и локальной политикой? Не следует ли нам действовать локально, если мы хотим быть вовлеченными глобально? Этот этос породил несколько сетевых пространств, таких как *SeeClickFix* (платформа в области городского управления, которая позволяет пользователям сообщать о разных происшествиях для улучшения комфорта района и города). Проект «Местнократия» (*Localocracy*) объединяет горожан, чиновников и журналистов вокруг обсуждения и изучения локальной политики и приоритетов. Популярность социальной сети *Nextdoor* связана с намерением получше узнать своего соседа. Ее цифровой манифест гласит:

Мы — за соседей.

Мы за барбекю с соседями. За продажу многосемейных гаражей.
За дарение сладостей на Хэллоуин.

Мы за общий забор и за то, чтобы делиться хорошей няней.
Мы за низкую скорость там, где могут играть дети.
Мы за чуткость к соседям. За помощь в чрезвычайных ситуациях. И за то, чтобы вместе искать потерявшуюся кошку.
Мы считаем, что приветственный взмах рукой новому соседу лучше, чем надпись «Добро пожаловать» на коврике.
Мы считаем, что технологии — это мощный способ сделать соседство сплоченным и безопасным.
Мы за чаты, которые ведут к беседам у бельевой веревки.
Мы считаем, что заборы необходимы иногда, а онлайн-приватность — всегда.
Мы верим, что дружное соседство не только увеличивает ценность нашей собственности, но и улучшает нашу жизнь.
Вы верим, что удивительное может произойти, когда просто беседуешь с соседом.
Мы — Nextdoor. Мы — это вы и ваши соседи, просто вместе³⁶.

Отдельные транснациональные публичные среды возникают в рамках «медленного движения» — общественной реакции на навязанное уплотнение времени и погоню за скоростью. У все большего числа людей возникает глубокая обеспокоенность спешкой в человеческих отношениях. Одна из ветвей этого движения, «медленная еда» (*slow food*), в настоящее время насчитывает около ста тысяч членов, объединенных в более чем две тысячи «конвивиумов», или локальных ячеек-«трапез», в полутораста странах. Медлительность как глобальный институт охватила самые разные сферы жизни. Движение разветвилось на целое семейство «медлительностей», таких как «медленное искусство», «медленный город», «медленный дизайн» или «медленный туризм». Будет неверным называть их подход луддитским. Напротив, новые медиа ставятся в нем, скорее, на службу желаемой культуре, чем той, что навязывает нам свои скорости.

В связи с глобальными городами стоит вспомнить, что идея города возникает из более широкой дихотомии «город — село». Должны ли мы считать сельский ландшафт более косным и инертным, невосприимчивым к глобализации и, следовательно, исключенным из нее? Напротив, как утверждают Лиз и Питер Нельсон, необходимо включить «глобальное село» (*the global rural*) в дебаты о глобализации как феномен огороженных сообществ и новых городов, предназначенных для международных и элитных диаспор, в частности перед лицом вызова, который развивающиеся рынки

36. См.: About Us//Nextdoor. URL: <http://about.nextdoor.com/>.

бросают сложившемуся восприятию границ глобального города. Эти социопространственные фрагментации характеризуются как «новые зоны исключения»³⁷, ведущие к «сознательной геттоизации со стороны богатых»³⁸. Более масштабный тренд связан с тем, что не только в экономически процветающих регионах, но и в менее развитых странах досуговые пространства пронизывают производственно-ориентированные городские ландшафты с невиданным прежде размахом. Быстрорастущая культура потребления завоевывает территории внутри этих ландшафтов и вместе с тем приобретает уникальную форму пространственной организации, потребительских ожиданий и нужд³⁹.

Глобальные сельские пространства исключения оказывают значительное влияние на распределение доступа в цифровой среде. Часто формирование материально огороженных структур усугубляет пронизывающее современность глубокое цифровое неравенство. Примером этого может служить проект *Dubai Internet City (DIC)* — парк информационных технологий, созданный правительством Дубая. Он организован как свободная экономическая зона для привлечения на свою территорию филиалов мультинациональных компаний. К этому важнейшему элементу стратегии данного региона по превращению в ключевую площадку как в цифровой, так и в материальной сфере подключились многие глобальные игроки на рынке информационных технологий, такие как *Microsoft, IBM, Oracle Corporation, Sun Microsystems, Cisco, HP, Nokia, Cognizant* и *Siemens*, а также фирмы, расположенные в ОАЭ, такие как *i-mate, Acette*, разместившие свою региональную базу в *DIC*. Их привлекло соседство с такими индустриальными группами, как *Dubai Media City* и *Dubai Knowledge Village*. Следствием этого стал тот способ, каким государство распределяет доступ к качественным цифровым инфраструктурам среди населения, предоставляя привилегии одним зонам в ущерб другим.

Часть этого движения, в особенности среди развивающихся рынков, требует признания в качестве серьезного игрока на глобальной арене. Участвующие в нем страны обретают чувство уверенности в себе и ищут способа реализовать свою вновь обретенную власть. Предметом их гордости служит превращение

37. Broudehoux A. Spectacular Beijing: The Conspicuous Construction of an Olympic Metropolis // *Journal of Urban Affairs*. 2007. Vol. 29. № 4. P. 387.

38. Nelson L., Nelson P. B. The Global Rural: Gentrification and Linked Migration in the Rural USA // *Progress in Human Geography*. 2011. Vol. 35. № 4. P. 453.

39. Dupont V. D. The Bream of Delhi as a Global City // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2011. Vol. 35. № 3. P. 533–554.

в равноправных потребителей, конкурирующих внутри транснациональной публичной сферы. Неслучайно они усваивают модель Силиконовой долины, а заодно «иностранные» и «западные» статусные символы. К примеру, Дели борется за статус «глобального города», для чего развивает новые торговые мультиплексы с изначально зарубежными розничными сетями, которые предлагают товары и услуги брендовых марок, адресованные эксклюзивной и космополитичной клиентуре. Эти пространства символизируют стремление к глобальной (по сути, «западной») культуре. По существу, глобальный город выступает носителем экспансионистской идеологии, которая наделяет привилегиями одни паттерны потребления в ущерб другим посредством институциональных и политических мер, таких как законодательство о надлежащих потребительских пространствах и видах деятельности. Однако речь не всегда идет об имитации:

Хотя культурные предпочтения среднего класса сыграли критическую роль в глобальном движении, наблюдаемом в крупных городах Индии, новые паттерны потребления, стимулирующие физические трансформации, могут быть частью глобализации, не обязательно сводясь к простой имитационной вестернизации. В Дели это лучше всего иллюстрируется недавно построенным «хай-тек-парком по мотивам религиозной и националистической тематики», который посвящен реконструированной ведической цивилизации и индуистской идентичности, — комплексом храма Аркашанда на берегах реки Ямуна, чья концепция основывается на идеях, заимствованных из Диснейленда и голливудских студий... Аркашанда представляется воплощением «морального потребления», характеризующего фракцию среднего класса, который может участвовать в процессе [зарубежной] модернизации, но также «откатываться» и возвращаться к «традиции», чтобы сохранить ее «настоящую индийскость»... Озабоченность угрожающими противоречиями между глобализацией и национальной идентичностью могут, таким образом, производить «гибридную форму глобальности»⁴⁰.

Это возвращает нас в бурно обсуждавшуюся макдональдизацию культурного ландшафта, стандартизацию и вестернизацию, которые присущи глобализации. Подобные опасения отчасти опровергаются теми исследователями локального, которые показывают, что притягательная сила глобальных городов на самом деле кроется в их локальной среде и культуре, а не в некоем общем

40. Ibid. P. 548.

интернациональном образе жизни. В частности, Йен-Фен Ценг на материале Шанхая изучал восприятие квалифицированных тайваньских иммигрантов: они придают исключительную ценность локальной среде.

Квалифицированные мигранты вовсе не такие сверхмобильные, как иногда воображают. Они ценят культурные достопримечательности и образ жизни, ассоциирующийся с определенными местностями, и склонны пускать корни, когда устроились на новом месте, которое они называют домом⁴¹.

Важно осознавать, что креативный класс — мобильный и встроенный в сеть других глобальных городов — разделяет общие требования к качеству места с квалифицированными работниками. Ричард Флорида утверждает, что это неуловимое качество происходит из сочетания «плотных» рынков труда, стилей жизни, социальных взаимодействий и разнообразия городского ландшафта⁴². Таким образом, «глобальное» в городе может быть очень «аутентичным» по природе, поэтому зачастую как стабильные жители, так и якобы сверхмобильные мигранты высоко ценят культуру данного места.

Другое исследование сосредоточилось на совсем другом типе мигрантов — на автоконструкторах, чтобы определить, как характеристики места влияют на паттерны их перемещения и расселения⁴³. Выяснилось, что наряду с обычными для рынка труда соображениями некоторые типы конструкторов тяготели к отдельным городам, ценя их образ жизни, субкультуру и возможности досуга. Хотя в общем дискурсе доминируют экономические и финансовые соображения, такие исследователи, как Соия, подчеркивали важность культурного измерения, превращающего глобальный город в «культурную метрополию»⁴⁴. В конце концов, мотивации людей обусловлены не только прагматизмом, но и эмоциями. Люди ищут значимость и ценность в месте обитания, чья социальная память может стать мощным фактором подобного выбора. Хорошим примером служит отношение тайваньцев к Шан-

41. Tseng Y. F. Shanghai Rush: Skilled Migrants in a Fantasy City // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2011. Vol. 37. № 5. P. 766.

42. См.: Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2007.

43. Molotch H. Place in Product. *International Journal of Urban and Regional Research*. 2002. Vol. 26. № 4. P. 665–688.

44. Soja E. W. *Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions*. Oxford: Blackwell, 2000.

хаю: их эмоции восходят к коллективной памяти, сформированной литературными и кинообразами, такими как старый Шанхай из многочисленных экранизаций романов знаменитой уроженки города Эйлин Чанг.

Сверхмобильность и цифровая миграция обсуждаются также в контексте сферы *Web 2.0*, порог вхождения в которую довольно низок, а мобильность пользователей высока. Чтобы зайти на *Amazon* или *Couchsurfing*, достаточно завести аккаунт. Мы были свидетелями массового цифрового исхода аудитории *MySpace* в фейсбук, а также неудачной попытки *Google+* заставить людей социализироваться на местах. *Google+* представлял нас толпой изолированных индивидов с рассеянным вниманием, которая движется за цифровым пастухом. Цифровые аборигены казались цифровыми мигрантами, поскольку все время перемещались между многочисленными платформами и приложениями, однако по большей части это не так. Множество примеров показывают, что люди инвестируют время и энергию в создание профилей и сетей на определенных сайтах, обустривая их как «дома». Они берут на себя ответственность за собственное пространство и продвигают свои профили, конструируя более убедительную позицию в онлайн-сообществах. Некоторые глубоко связывают свою идентичность с определенными платформами, идентифицируя себя как «народ *Reddit*» или «каучсерферов», и включаются в иерархии внутри членского клана, основанные на частоте постов, интонации, навыках посредничества и соблюдении правил игры. Недавнее исследование поведения в соцсетях населения из бедных стран «глобального Юга» выявило сильное желание молодежи подружиться с людьми из экзотических для них западных стран, чтобы усилить свой социальный капитал на таких платформах, как *Orkut* и фейсбук⁴⁵. Таким образом, следует выявлять нюансированные различия между обитателями этих пространств, отходя от чрезмерно обобщающих схем.

В заключение этой части отметим, что транснациональная публичная сфера выступает объединяющим метанарративом с привлекательной идеей, который стимулируется развитием новых цифровых каналов связи и циркуляцией людей, продуктов и идей. Имел концепт «глобального города» первоначальную эмпириче-

45. Rangaswamy N., Cutrell E. Re-Sourceful Networks: Notes from a Mobile Social Networking Platform in India // Pacific Affairs. 2012. Vol. 85. № 3. P. 587–606.

скую наглядность или нет, теперь кажется несущественным, поскольку он был воплощен в жизнь — через концентрацию интеллектуальных, финансовых и социальных ресурсов, действуя как магнит для квалифицированной рабочей силы⁴⁶. Как мы видели, у этих процессов есть и негативные побочные эффекты, когда «глобальные города» предписывают новый экономический порядок, финансово обезвоживая города поменьше. Трудно приписать глобальным городам статус нормы — настолько изоэстетно они сложны и многообразны. Как представляется, населяющие их якобы сверхмобильные мигранты на самом деле ищут большей укорененности, чем представлялось ранее. Группы формируются по признакам языка, вкуса, политических союзов, что не следует смешивать с национализмом. Метафора «глобальных городов» очень уместна для глобализации интернета, так как динамизм имманентен им обоим. Хотя рынки играют важную роль в позиционировании этих сфер, культура оказывается не менее важной: она часто способна потеснить прагматику. Элементам классической дихотомии центра/периферии, применяемой к осмыслению сетей, не следует приписывать неизменность: они оказались менее стабильными, чем можно было предположить. Расхожему мнению об упадке государства можно противопоставить тезис о том, что его отношения с глобальным городом не сводятся к простой игре с нулевой суммой. В действительности государство может выступать локомотивом, выводящим некоторую область (материальную или цифровую) на глобальный уровень. Модель часто оказывается смешанной.

Глобализация досуговых цифровых сетей

До сих пор мы пытались связать дискурс глобального города с глобализацией интернета, опираясь на дискуссии вокруг городского планирования и культурной географии, то есть использовать продуктивную метафору «глобальных городов» для обсуждения глобализации интернета. Этот раздел посвящен тому участку интернета, который изначально служит социальным и досуговым задачам, — соцсетям. Они сумели отвоевать заметную нишу и вызвать определенный культурный сдвиг в среде интернета. Погруженные

46. *Martinez-Fernandez C. et al. Shrinking Cities: Urban Challenges of Globalization // International Journal of Urban and Regional Research. 2012. Vol. 36. № 2. P. 213–225.*

в социальные отношения и досуговую активность, пространства *Web 2.0* призваны были создать оригинальные цифровые рынки и онлайн-бизнес-модели с высокой экономической и социальной отдачей. В книгах «Богатство сетей»⁴⁷ Йохая Бенклера и «Культура конвергенции»⁴⁸ Генри Дженкинса сформулирован подход к интеграции культурного производства и потребления в экономические процессы с акцентом на трудовых практиках. Глобализацию цифровых пространств досуга можно эффективно исследовать, поместив их в контекст более широкой интернет-инфраструктуры. Поскольку метафора «города» оказалась полезной для понимания интернета, почему бы не распространить ее на досуговые цифровые сети?

Социальные сети объединяют с интернетом многие структурные особенности: опора на виртуальные сети, облачная обработка данных, сетевое управление и система организации трафика, архитектура адресации, маршрутизации, *IP*-сетей и протоколов, мониторинг и анализ трафика, отказоустойчивость, межуровневое проектирование и оптимизация, мобильность (пользователей, устройств, услуг, сети), контент-ориентированность, технологии широкополосного доступа, распределение ресурсов, коммутация, маршрутизация и виртуализация сети⁴⁹. Общей и международной моделью для подобных досуговых ресурсов выступают одноранговые сети и пользовательский контент, позволяющие стать частью более широкого формата «глобального парка». Однако существуют и отдельные структурные различия среди сайтов, таких как *Friendster*, *MySpace*, *Orkut* и *Renren*, которые придают им более локальный в культурном, но глобальный — в юридическом и экономическом отношениях характер. В частности, на таких сайтах лишь немногие пользователи персонализировали свои профили, модифицируя базовые настройки, например приватности⁵⁰. Тем не менее оставались богатые структурные возможности для самовыражения в зависимости от характера коммуника-

47. Benkler Y. The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom. New Haven: Yale University Press, 2006.

48. Jenkins H. Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. N.Y.: New York University Press, 2006.

49. Papacharissi Z., Mendelson A. Toward a New(er) Sociability: Uses, Gratifications and Social Capital on Facebook // Media Perspectives for the 21st Century / S. Papathanassopoulos (ed.). L.: Routledge, 2011. P. 212–230.

50. Acquisti A., Gross R. Imagined Communities: Awareness, Information Sharing, and Privacy on the Facebook // Privacy Enhancing Technologies. 2006. Vol. 4258. P. 36–58.

ции, отношений между участниками и типа членства в подобных сетях. Даже оставаясь глобальными, благодаря таким компонентам, как приватность, эти сайты становятся исключительно политическими, вписанными в (зачастую весьма причудливые) особенности национального государства, к которому принадлежат пользователи.

Как мы видели, городской парк как инновационная публичная сфера распространился по всему миру в XIX веке, и с ним связывали надежды на воспитание городской цивилизности, на социальное умиротворение и модерновость как конкурентное преимущество на мировой арене. Однако каждый парк имеет собственный нарратив, свою историческую драматургию. Есть парки, оставившие след в политике (например, Народный парк в Беркли), и те, что предназначены для элитных классов, предпочитающих проводить досуг в огороженном месте (например, Грамерси-парк в Нью-Йорке). Возможна, таким образом, типология городских парков сообразно гендерным, политическим, коммерческим, корпоративным и этническим чертам тех или иных культур и практик. Каждая из этих разновидностей предписывает транснациональной публике режим восприятия обыденных отношений с учетом локальной политики и социально-го своеобразия.

Иногда государство прямо самоустраняется из транснациональной публичной сферы, поскольку видит в ней угрозу своему суверенитету. Варломон указывает, что некоторым государствам, например Франции, по природе присущ больший протекционизм, на структурном уровне выражающийся в культурной рамке их цифровых платформ. Многочисленные меры государственной медиаполитики направлены на культивирование «французской» культурной нормы.

В частности, после того как им позволили сохранять тарифы и квоты для защиты своего культурного рынка от иностранных продуктов, в особенности американского кино и телевидения, лишь 60% которого демонстрировалось во Франции в 2003 году при 85% — на других европейских кинорынках. В 1994 году в попытке сохранить французский язык правительство приняло закон Тубона (по имени министра культуры), обязывающий использовать национальный язык во всех официальных и коммерческих изданиях и устанавливающий штрафы для СМИ за использование американизмов или заимствований из английского там, где существует французский эквивалент. Несколько лет спустя другой закон вводил квоты, по которым большин-

ство песен на радио должны быть французскими. Так французское правительство противодействовало «натиску» английского языка⁵¹.

Хотя новые медиатехнологии сформировали новые цифровые пространства, зачастую им по-прежнему приходится следовать традиционной национальной политике в отношении старых коммуникационных платформ. Освободить первые от ограничений означало бы признать их оригинальность и радикальное своеобразие, что невероятно сложно в нашу эпоху связи и медиации, в том числе между старыми и новыми социальными сетями. Особенно обескураживает тот факт, что, как только культурные границы укрепляются, командные центры, такие как фейсбук, получают гигантский приток участников. В частности, в 2008 году в одной только Франции число пользователей фейсбука выросло на феноменальные 518%. Уже в 2008 году ютьюб стал ведущим видеосайтом во Франции с 25 млн пользователей, просматривающими 2,3 млрд онлайн-видео. И это вопреки озабоченности французского правительства, видевшего в этих сайтах могучих проводников американского господства и империализма.

Циркулирование рабочей силы, каким бы глобальным оно ни казалось, также строго контролируется национальным государством. С виду свободная и добровольная деятельность пользователей досуговых цифровых платформ, занятых производством контента, практически не сообщается со сложной областью трудовых отношений, регулируемых на государственном уровне. Адам Фиш размышляет о природе труда внутри транснациональных развлекательных сетей и о проблемах управления подобными практиками. Он призывает выйти за пределы привычной бинарности в оценке цифровых трудовых практик как либо триумфа демократии и добровольности, либо эксплуатации. Вместо этого он предлагает

...индуктивную модель анализа, которая рассматривает обе перспективы в контексте практик внутри самих сайтов или систем. Это все более важно при анализе возникающих социальных предприятий, которые стремятся достичь изначально

51. Warlaumont H. G. Social Networks and Globalization: Facebook, YouTube and the Impact of Online Communities on France's Protectionist Policies // French Politics. 2010. Vol. 8. № 2. P. 204–214.

общественного, некапиталистического результата, сохраняя конкурентную позицию на рынке⁵².

Такая модель вписана в систему «креативного капитализма», который «совмещает свободу досуга и даже фантазию с реалиями конкурентоспособной капиталистической фирмы». Фиш подчеркивает возрастающую сложность защиты прав интеллектуальной собственности в цифровой глобальной сети, поскольку цифровые работники все чаще рассматриваются скорее как «внешние сотрудники». Взять недавний случай с *Nyan Chat* и судебный процесс против *Warner Brothers*. *Nyan Chat* — это интернет-мем с анимированной кошкой, телом напоминающей прямоугольный шоколадный батончик с розовой глазурью и летающей по экрану, оставляя за собой яркий радужный хвост. Подобно некоторым другим феноменам ютьюба, попадающим в странные истории, это конкретное видео стало вирусной сенсацией. Затем *Warner Brothers* разработала игру *Scribblenauts*, использовав *Nyan Chat* без разрешения ее создателя. Дело о нарушении авторских прав и использовании фирменных знаков рассматривалось федеральным судом. В ближайшем будущем можно прогнозировать рост числа подобных инцидентов, поскольку границы между трудом/досугом и приватным/публичным в цифровой сфере совершенно размылись.

Если Фиш встает на позиции гибридности, то другие исследователи указывают на более корпоратизированную и капиталистическую подспудную идеологию, определяющую эти структуры⁵³. Цифровые пространства весьма далеки от радужного образа либерализованного глобального рынка, сулящего поле честной игры для цифровых работников. Тициана Терранова утверждает, что эти платформы представляют собой «в меньшей степени пространство возможностей для трудоустройства и в большей степени — область шаткости, нестабильной занятости, бесплатного труда и общей эксплуатации»⁵⁴. Не следует забывать, что при всей своей социальной и досуговой ориентированности соцсети остаются рынками со всеми экономическими и юридическими издержками. Хотя трудовая деятельность может быть одновременно игрой, развлечением, досугом и вносить вклад в «глобальную ин-

52. Fish A. Governance of Labor in Digital Video Networks // Proceedings of the 2011 iConference. N.Y.: ACM Press, 2011. P. 466–471.

53. Terranova T. Free Labor: Producing Culture for the Digital Economy // Electronic Book Review. 20.06.2003. URL: <http://electronicbookreview.com/thread/technocapitalism/voluntary>.

54. Ibidem.

теллектуальную экономику», не вполне понятно, правомочно ли при этом требовать за нее вознаграждения. Бэнкс и Хамфрис настаивают, что мы должны учитывать все разделительные линии и властные отношения между всеми сторонами, включая «недежные социальные экономики с их растущей ролью в монетарной и финансовой сферах». Иными словами, чтобы решить, нарушено ли трудовое право, мы должны определить, не носят ли отношения добровольного и партнерского характера с обоюдно согласованной формой компенсации. В конце концов,

...власть, порожденная социальной экономикой, не обязательно созвучна той, что возникла из экономики финансовой. В случае их конфликта не всегда ясно, кто находится под контролем, кто победитель, а кто проигравший, здесь нет и следа той однозначности, что в случае корпоративных победителей и проигравших потребителей. Здесь необходимо лучше понимать участников и альянсы, возникающие из рынков социальных сетей⁵⁵.

Последнее, но немаловажное: нельзя игнорировать существование глобальной теневой экономики (например, порноиндустрии), стимулируемой досуговыми цифровыми платформами, и ее воздействие на глобализацию. Мэттью Зук исследовал базы данных как местá производства контента, веб-сайтов и обслуживания онлайн-индустрии для взрослых, чтобы оценить, насколько эти цифровые пространства отвечают географическим, историческим, культурным и политическим особенностям стран.

Роли участников определяются не только внепространственной логикой кибервзаимодействия, но и историко-экономическим контекстом физических мест, в которых они проживают. Иначе говоря, «пространство потоков» не может быть осмыслено без учета «пространства мест», с которыми они связаны. География позволяет уравновесить мейнстримное представление об электронном рынке и выявить способность социально незаметных и скрытых интересов действовать в глобальных сетях⁵⁶.

Некоторые глобальные города либеральнее других подходят к таким вопросам, как порнография. В частности, более либераль-

55. Banks J., Humphreys S. The Labour of User Co-Creators Emergent Social Network Markets? // *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*. 2008. Vol. 14. № 4. P. 401–418.

56. Zook M. A. Underground Globalization: Mapping the Space of Flows of the Internet Adult Industry // *Environment and Planning A*. 2003. Vol. 35. № 7. P. 1261–1286.

ны и менее репрессивны в отношении индустрии для взрослых Лос-Анджелес и Амстердам. Таким образом, для понимания влияния глобализации и географического местоположения на досуговые цифровые сети мы должны учитывать три пространственных фактора: (1) производство контента для индустрии, (2) создание и поддержание веб-сайтов для распределения контента и (3) обслуживание веб-сайтов⁵⁷. Сходным образом с такими подходами к описанию глобального города, как траектория групп и центро-периферийная оптика, в цифровых пространствах для взрослых происходит медленное, но неуклонное смещение от западных командных центров к периферийным городам. 70% дистрибьюторов соответствующего контента базируются в США, а среди потребителей лидируют Канада и Австралия. Великобритания, вопреки ожиданиям, имеет относительно низкий уровень распространения взрослого интернет-контента. Несмотря на масштабы западноевропейского рынка, восточноевропейским игрокам принадлежит ведущая роль в этой индустрии. Сравнительно недавно центрами создания порно стали такие страны, как Таиланд и Венгрия. Дальнейшая специализация происходит на сайтах для взрослой аудитории в США, Канаде, Нидерландах, Дании и Австралии, занимающих лидирующие позиции.

Таким образом, приветствуя глобализацию интернета и растущую связанность людей поверх границ, нельзя забывать о скрытых силах, также заинтересованных в глобализации сети. Демократическое участие обретает новое значение, когда некоторый цифровой продукт, пересекающий границы, объявляется нелегальным в одном из национальных государств. Терроризм, торговля людьми или наркотиками — эти традиционные формы социальной и массовой девиантности научились использовать досуговые цифровые сети в своих интересах. Как отмечает Зук,

... географическое проявление этих сетей по своей структурной логике сходно с глобальной финансовой системой, хотя и существенно отличается от нее в приоритетах, целях и значимых местах⁵⁸.

Кастельс давно признал, что определенное пространство потоков занимает «позицию несущественного»⁵⁹ и считается невиди-

57. Ibidem.

58. Ibidem.

59. Castells M. End of Millennium. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1998. P. 162.

мым, несмотря на свое превалирующее положение. Однако существенно маргинализуемые криминальные области составляют большую часть глобального потока. В сущности, эти девиантные сферы получают большую выгоду от децентрализованной и фрагментированной транснациональной цифровой топографии, защищающей их от любых форм государственного господства. В каком-то смысле глобализация цифрового пространства создает зоны невидимости.

По мере возникновения и распространения новых форм информационной инженерии смещаются прежние границы между соцсетями и интернетом. Несколько лет назад фейсбук анонсировал новый *Graph Search*, позволяющий пользователям находить в соцсетях фотографии или рекомендованные рестораны:

Долгое время поиск был одним из слабых мест сайта, теперь он может стать действительно полезным. Можно найти все фотографии, которым вы поставили лайк, или все рестораны в Сан-Франциско, которым поставили лайки те из ваших друзей, кому нравится Леди Гага. Поиск обрабатывает индивидуализированную информацию, которой не располагает никакая другая поисковая система; еще интереснее то, что он меняет сам способ мыслить поиск, интегрируя информацию из всех постов (а также из постов ваших друзей), а не просто отображая определенную страницу, которая вроде бы соответствует вашим критериям⁶⁰.

Подобная перспектива создает впечатление превращения городского ландшафта в игровой. Но не следует поддаваться иллюзии новизны, поскольку многие инновации для ремоделирования базовых инфраструктур так и не смогли укорениться, завоевав доверие командных центров с их традиционной архитектурой. Однако новые модули так или иначе будут появляться, угрожая относительной стабильности этих структур.

В заключение коснемся проблемы приватности (хотя многое уже сказано в статье о *Walled Gardens*⁶¹). Вокруг этой темы сложились разные школы мысли. США преимущественно следуют более добровольному и менее принудительному подходу, признавая, что цифровая сфера все еще переживает этап становления и что ее будущий потенциал будет подорван государственным регули-

60. Marcus G. Facebook and the Future of Search // The New Yorker. 16.01.2013. URL: <http://newyorker.com/news/news-desk/facebook-and-the-future-of-search>.

61. Arora P. A. Walled Gardens: Privacy Within Public Leisure Space Online and Offline // Published Proceedings for the Amsterdam Privacy Conference. Amsterdam, 2012. URL: <http://hdl.handle.net/1765/38286>.

рованием приватности. Государство лишь заморозит архитектуру и замедлит инновационный процесс. В европейской перспективе, при всей важности инноваций и экономического процветания, свобода публичной сферы должна быть подчинена интересам потребителя. На протяжении десятилетий европейские потребители выражали серьезную озабоченность своей онлайн-приватностью, инициируя политические дебаты вокруг ее перспектив. Но если перевести взгляд на развивающиеся рынки, возникнет совершенно другая международная публичная сфера, гораздо менее озабоченная приватностью. Так, саудовские пользователи интернета оказываются впереди планеты всей по части предания онлайн-публичности своей личной жизни. Согласно американскому докладу о тенденциях в цифровой сфере, саудовцы не выразили беспокойства тем, что большая часть их повседневной жизни будет обнародована в интернете. Лишь немногим Саудовской Аравии уступает в этом отношении Индия. По статистике, около 60% опрошенных саудовцев делятся «всем» или «почти всем» онлайн. В США этот показатель составляет 15%, во Франции — 10%. Наибольшей популярностью в Саудовской Аравии пользуется *Snapchat*, за ним следуют фейсбук и инстаграм. Таким образом проблемы, подобные приватности, ставшей предметом серьезных разногласий вокруг досуговых цифровых сетей в Европе и США, нельзя некритически переносить на другие транснациональные сферы, в особенности на так называемую периферию. Хотя Запад и продолжает оказывать беспрецедентное влияние на глобальный ландшафт, на множестве рынков, принадлежащих категории развивающихся, его воздействие едва заметно. Присвоение модели цифрового глобального города не влечет за собой с необходимостью автоматического переноса его проблем и издержек.

Заключение

Социальные сети отличаются от интернета, будучи основанными на контенте, создаваемом пользователями, которые отдают предпочтение социальному и досуговому аспектам. При этом соцсети остаются частью более широкой интернет-среды и во многом разделяют ее основополагающую технологическую архитектуру. Можно утверждать, что культура соцсетей меняет образ интернета, как подразумевает сам термин *Web 2.0*, возвещая новую эру партиципаторной и сетевой культуры. Переходя на язык метафор, городской парк отделяет себя от скуки городского ландшафта, пользуясь досуговым и коллективным статусом. Тем не менее

он остается частью общей городской машинерии с ее социальными и правовыми нормами. Границы между городом и парком становятся более мягкими, парк принимает множественные формы, отражающие современные досуговые практики и потребление в публичном пространстве; торговые центры, галереи и площадки в пределах городских границ указывают на то, что досуговая сфера становится более коммерциализированной и требует бдительной защиты приватности в публичных сферах. Это очень напоминает эволюцию соцсетей, когда корпоративные интересы стали просачиваться, казалось бы, в невинные досуговые и открытые пространства и наживаться на беззаботности досуга, чтобы подчинить человеческое поведение своим коммерческим интересам.

Мы констатировали сохранение иерархичности и напряжения по линии центр — периферия, что обусловлено политическими, корпоративными и эмоционально-культурными факторами. Параллельно с устойчивыми командными центрами (фейсбук, ютьюб и твиттер) возникают новые досуговые цифровые сети, в большей степени ориентированные на общность дискурса, интересов, групповой принадлежности и местоположения (*Nextdoor*, *black planet*, *beautiful people* и пр.). Мы также наблюдаем гибридизацию и «доместикацию» ведущих глобальных досуговых сетей (фейсбук), часто отходящих от своего изначального этоса. В каком-то смысле чем более глобальными становятся эти командные центры, тем более расплывчатой оказывается их идеология, так как невозможно навязать единые социокультурные нормы их сущностно транснациональным и транскультурным цифровым резидентам.

Кроме того, можно утверждать, что соцсети вовсе не отделены от национального государства, но, по-видимому, состоят с ним в сложных отношениях и служат веб-репрезентациями национальной культуры. Несколько новых досуговых цифровых платформ были нацелены на определенные регионы и аудитории, такие как *Cyworld* — для Южной Кореи, *Migente* — для Латинской Америки и *Studivz* — для Германии, так же как гугловская компания *Orkut*, первоначально ориентированная на американскую аудиторию и конкуренцию с *MySpace* и фейсбуком, но в конце концов закрепившаяся в Бразилии. При этом исследовательская литература видит в этих командных центрах не отдельные узлы власти, но, скорее, части стратегического альянса сетей и капитала. В эпоху гиперссылок и гипермобильного сообщества мы должны уделять больше внимания не сайтам как индивидуальным структурам, а динамичным потокам между ними.

Цифровой досуг не может быть загнан в онлайн, ведь участники постоянно снуют между физическим и виртуальным мирами. Жизнь офлайн трансформируется в цифровые воспоминания, а прошлое переваривается как бесконечное и аффективное настоящее. Как и сами проекты по созданию «умных» и «текущих» городов, их досуговый компонент также находится в стадии становления. Мы видим, как виртуальные музеи и торговые центры возникают как расширения их зримого и осязаемого присутствия. Хотя границы между соцсетями и интернетом постоянно пересматриваются, некоторые изменения оказываются эфемерными. Доминирующие модели остаются относительно устойчивыми, но лишь в виде набора практик, а потому еще будут пересматриваться в ответ на технологические и социальные сдвиги.

Хотя новые информационные и коммуникационные технологии решительно размывают границы между реальностью и фантазией, реальным и виртуальным, не следует забывать, что многие люди живут еще в предцифровом мире, оставаясь невидимой публикой, обойденной, казалось бы, вездесущим миром цифры. Нищета, сельская среда, преступность, извращенность еще мало изучаются внутри более широкого дискурса о глобализации интернета и его досугового двойника. Если вернуться к аналогии с городом, происходящее можно сравнить с изучением города, игнорирующим его необъятные трущобы, где зачастую живет, работает и развлекается половина населения. Итак, давайте обогащать наше понимание города и парка, досуга и труда, виртуального и материального за счет большего внимания к маргинальному и разнообразному.

Библиография

- Джейкобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011.
- Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2007.
- Фридман Т. Плоский мир 3.0. Краткая история XXI века. М.: АСТ, 2014.
- About Us//Nextdoor. URL: <http://about.nextdoor.com/>.
- Acquisti A., Gross R. Imagined Communities: Awareness, Information Sharing, and Privacy on the Facebook// Privacy Enhancing Technologies. 2006. Vol. 4258. P. 36–58.
- Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.
- Appadurai A. The Future as Cultural Fact: Essays on the Global Condition. L.; N.Y.: Verso Books, 2013.

- Arora P. A. Walled Gardens: Privacy Within Public Leisure Space Online and Offline // Published Proceedings for the Amsterdam Privacy Conference. Amsterdam, 2012. Available at: <http://hdl.handle.net/1765/38286>.
- Arora P. Global Cities, Global Parks: Globalizing of Digital Leisure Networks. Paper presented at "The Shape of Diversity to Come: Global Community, Global Archipelago, or a New Civility" Conference at the Erasmus University Rotterdam, The Netherlands, January 25–27, 2013.
- Banks J., Humphreys S. The Labour of User Co-Creators Emergent Social Network Markets? // Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies. 2008. Vol. 14. № 4. P. 401–418.
- Barlow J. P. Declaration of Independence for Cyberspace // RhetNet. 21.05.1996. Available at: http://wac.colostate.edu/rhetnet/barlow/barlow_declaration.html.
- Barnett G. A., Park H. W. The Structure of International Internet Hyperlinks and Bilateral Bandwidth // Annales des telecommunications. 2005. Vol. 60. № 9–10. P. 1110–1127.
- Benkler Y. The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom. New Haven: Yale University Press, 2006.
- Brenner N. Global Cities, Global States: Global City Formation and State Territorial Restructuring in Contemporary Europe // Review of International Political Economy. 1998. Vol. 5. 1. P. 1–37.
- Broudehoux A. Spectacular Beijing: The Conspicuous Construction of an Olympic Metropolis // Journal of Urban Affairs. 2007. Vol. 29. № 4. P. 383–399.
- Carroll W. K. Global Cities in the Global Corporate Network // Environment and Planning A. 2007. Vol. 39. № 10. P. 2297–2323.
- Castells M. End of Millennium. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1998.
- Castells M. The Rise of The Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1996.
- Derudder B., Taylor P., Ni P. et al. Pathways of Change: Shifting Connectivities in the World City Network, 2000–2008 // Urban Studies. 2010. Vol. 47. № 9. P. 1861–1877.
- Dupont V. D. The Bream of Delhi as a Global City // International Journal of Urban and Regional Research. 2011. Vol. 35. № 3. P. 533–554.
- Fish A. Governance of Labor in Digital Video Networks // Proceedings of the 2011 iConference. N.Y.: ACM Press, 2011. P. 466–471.
- Fraser N., Nash K. Transnationalizing the Public Sphere. Cambridge: Polity, 2013.
- Globalizing Cities / P. Marcuse, R. Van Kempen (eds). Oxford: Wiley-Blackwell, 2008.
- Graham S., Marvin S. Splintering Urbanism: Networked Infrastructures, Technological Mobilities and the Urban Condition. L.: Routledge, 2001.
- Ishida T. Understanding Digital Cities // Lecture Notes in Computer Sciences. 2000. Vol. 1765. P. 7–17.
- Jenkins H. Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. N.Y.: New York University Press, 2006.
- Koh J., Beck A. Parks, People and City // Topos. 2006. Vol. 55.
- Komninos N., Pallot M., Schaffers H. Special Issue on Smart Cities and the Future Internet in Europe // Journal of the Knowledge Economy. 2012. Vol. 4. № 2. P. 119–134.
- Lessig L. Code: Version 2.0. N.Y.: Basic Books, 2006.
- Lindtner S., Szablewicz M. China's Many Internets: Participation and Digital Game Play Across a Changing Technology Landscape. Paper presented at the China

- Internet Research Conference, Peking, China, 2010. Available at: http://feiyaowan.files.wordpress.com/2011/09/lindtner_szablewicz-circ_final.pdf.
- Loures L., Santos R., Panagopoulos T. Urban Parks and Sustainable City Planning — The Case of Portimão, Portugal // *Wseas Transactions on Environment and Development*. 2007. Vol. 10. № 3. P. 171–180.
- Marcus G. Facebook and the Future of Search // *The New Yorker*. 16.01.2013. Available at: <http://newyorker.com/news/news-desk/facebook-and-the-future-of-search>.
- Martinez-Fernandez C., Audirac I., Fol S., Cunningham-Sabot E. Shrinking Cities: Urban Challenges of Globalization // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2012. Vol. 36. № 2. P. 213–225.
- Mitchell W. J. City of Bits: Space, Place, and the Infobahn. Cambridge, MA: The MIT Press, 1996.
- Molotch H. Place in Product. *International Journal of Urban and Regional Research*. 2002. Vol. 26. № 4. P. 665–688.
- Nelson L., Nelson P. B. The Global Rural: Gentrification and Linked Migration in the Rural USA // *Progress in Human Geography*. 2011. Vol. 35. № 4. P. 441–459.
- Papacharissi Z., Mendelson A. Toward a New(er) Sociability: Uses, Gratifications and Social Capital on Facebook // *Media Perspectives for the 21st Century* / S. Papathanassopoulos (ed.). L.: Routledge, 2011. P. 212–230.
- Park H. W., Barnett G. A., Chung C. J. Structural Changes in the 2003–2009 Global Hyperlink Network // *Global Networks*. 2011. Vol. 11. № 4. P. 522–542.
- Rangaswamy N., Cutrell E. Re-Sourceful Networks: Notes from a Mobile Social Networking Platform in India // *Pacific Affairs*. 2012. Vol. 85. № 3. P. 587–606.
- Robinson J. Global and World Cities: A View from off the Map // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2002. Vol. 26. № 3. P. 531–554.
- Rosen D., Barnett G. A., Kim J. H. Social Networks and Online Environments: When Science and Practice Co-Evolve // *Social Network Analysis and Mining*. 2011. Vol. 1. № 1. P. 27–42.
- Sassen S. Locating Cities on Global Circuits // *Environment and Urbanization*. 2002. Vol. 14. № 1. P. 13–30.
- Sassen S. Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006.
- Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001.
- Scott J. Corporate Business and Capitalist Classes. N.Y.: Oxford University Press, 1997.
- Soja E. W. Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions. Oxford: Blackwell, 2000.
- Taylor P. J. World City Network: A Global Urban Analysis. L.: Routledge, 2004.
- Terranova T. Free Labor: Producing Culture for the Digital Economy // *Electronic Book Review*, 20.06.2003. Available at: <http://electronicbookreview.com/thread/technocapitalism/voluntary>.
- The Global Cities Reader / N. Brenner, R. Keil (eds). L.: Routledge, 2006.
- The Global Transformations Reader // D. Held, A. McGrew (eds). Cambridge, UK: Polity Press, 2000.
- The Regeneration of Public Parks / J. Woudstra, K. Fieldhouse (eds). L.: Spon Press, 2000.
- Tranos E., Gillespie A. The Urban Geography of Internet Backbone Networks in Europe: Roles and Relations // *Journal of Urban Technology*. 2011. Vol. 18. № 1. P. 35–50.

- Tseng Y. F. Shanghai Rush: Skilled Migrants in a Fantasy City // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2011. Vol. 37. № 5. P. 765–784.
- Warlaumont H. G. Social Networks and Globalization: Facebook, YouTube and the Impact of Online Communities on France's Protectionist Policies // French Politics. 2010. Vol. 8. № 2. P. 204–214.
- Zhong Y. The Chinese Internet: A Separate Closed Monopoly Board // Journal of International Communication. 2012. Vol. 18. № 1. P. 19–31.
- Zook M. A. Underground Globalization: Mapping the Space of Flows of the Internet Adult Industry // Environment and Planning A. 2003. Vol. 35. № 7. P. 1261–1286.

RE-IMAGINING DIGITAL LEISURE NETWORKS THROUGH GLOBAL CITIES: A METAPHORICAL JOURNEY

PAYAL ARORA. Associate Professor, Department of Media and Communication, arora@eshcc.eur.nl.

Erasmus School of History, Culture and Communication (ESHCC), Erasmus University Rotterdam, Postbus 1738, 3000 DR Rotterdam, Netherlands.

Keywords: globalization of the internet; city parks; metaphor; global city; digital leisure networks.

This paper examines the globalization and cosmopolitanism of digital leisure networks through the metaphor of urban parks within global cities. It makes the case for a more inclusive ecology of public leisure space by dismantling conventional boundaries between the park and the city. The article uses the metaphor of global cities to emphasize the hierarchies in digital leisure networks. These global cities function as command centers and as magnets for workers in the industrial, creative, and leisure fields. They also attract privileged groups as well as temporary and migrant laborers. Similarly, not all social networking sites share the same power and influence. While new information and communication technologies are eroding the boundaries between reality and fantasy, the real and the virtual, we should not forget that many of the world's inhabitants reside in a pre-digital world and constitute an invisible community that has somehow slipped past the database that seemed to be omnipresent.

Poverty, rural conditions, criminality, and perversion are accorded scant attention within the larger discourse on globalization through the internet and its leisure counterpart, the recreational social networks. In terms of the metaphor, this neglect would be much like studying cities without noting the vast slums in which as many as half of their inhabitants live, work and play. This paper offers a dialectical and metaphorical journey in order to make conceptualization of the city and the park, leisure and labor, and the virtual and the material richer by encompassing more of the marginal and the diverse.

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-1-85-126

References

- About Us. *Nextdoor*. Available at: <http://about.nextdoor.com/>.
- Acquisti A., Gross R. Imagined Communities: Awareness, Information Sharing, and Privacy on the Facebook. *Privacy Enhancing Technologies*, 2006, vol. 4258, pp. 36–58.
- Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*, Minneapolis, University of Minnesota Press, 1996.
- Appadurai A. *The Future as Cultural Fact: Essays on the Global Condition*, London, New York, Verso Books, 2013.
- Arora P. A. Walled Gardens: Privacy Within Public Leisure Space Online and Offline. *Published Proceedings for the Amsterdam Privacy Conference*, Amsterdam, 2012. Available at: <http://hdl.handle.net/1765/38286>.
- Arora P. Global Cities, Global Parks: Globalizing of Digital Leisure Networks. Paper presented at “The Shape of Diversity to Come: Global Community, Global Archipelago, or a New Civility” Conference at the Erasmus University Rotterdam, The Netherlands, January 25–27, 2013.
- Banks J., Humphreys S. The Labour of User Co-Creators Emergent Social Network Markets? *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*, 2008, vol. 14, no. 4, pp. 401–418.

- Barlow J. P. Declaration of Independence for Cyberspace. *RhetNet*, May 21, 1996. Available at: http://wac.colostate.edu/rhetnet/barlow/barlow_declaration.html.
- Barnett G. A., Park H. W. The Structure of International Internet Hyperlinks and Bilateral Bandwidth. *Annales des telecommunications*, 2005, vol. 60, no. 9–10, pp. 1110–1127.
- Benkler Y. *The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom*, New Haven, Yale University Press, 2006.
- Brenner N. Global Cities, Glocal States: Global City Formation and State Territorial Restructuring in Contemporary Europe. *Review of International Political Economy*, 1998, vol. 5, 1, pp. 1–37.
- Broudehoux A. Spectacular Beijing: The Conspicuous Construction of an Olympic Metropolis. *Journal of Urban Affairs*, 2007, vol. 29, no. 4, pp. 383–399.
- Carroll W. K. Global Cities in the Global Corporate Network. *Environment and Planning A*, 2007, vol. 39, no. 10, pp. 2297–2323.
- Castells M. *End of Millennium*, Cambridge, MA, Oxford, UK, Blackwell, 1998.
- Castells M. *The Rise of The Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture*, Cambridge, MA, Oxford, UK, Blackwell, 1996.
- Derudder B., Taylor P., Ni P. et al. Pathways of Change: Shifting Connectivities in the World City Network, 2000–2008. *Urban Studies*, 2010, vol. 47, no. 9, pp. 1861–1877.
- Dupont V. D. The Bream of Delhi as a Global City. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2011, vol. 35, no. 3, pp. 533–554.
- Fish A. Governance of Labor in Digital Video Networks. *Proceedings of the 2011 iConference*, New York, ACM Press, 2011, pp. 466–471.
- Florida R. *Kreativnyi klass. Liudi, kotorye meniaiut budushchee* [The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life], Moscow, Klassika-XXI, 2007.
- Fraser N., Nash K. *Transnationalizing the Public Sphere*, Cambridge, Polity, 2013.
- Friedman T. *Ploskii mir 3.0. Kratkaia istoriia XXI veka* [The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century], Moscow, AST, 2014.
- Globalizing Cities* (eds P. Marcuse, R. Van Kempen), Oxford, Wiley-Blackwell, 2008.
- Graham S., Marvin S. *Splintering Urbanism: Networked Infrastructures, Technological Mobilities and the Urban Condition*, London, Routledge, 2001.
- Ishida T. Understanding Digital Cities. *Lecture Notes in Computer Sciences*, 2000, vol. 1765, pp. 7–17.
- Jacobs J. *Smert' i zhizn' bol'shikh amerikanskikh gorodov* [The Death and Life of Great American Cities], Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2011.
- Jenkins H. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*, New York, New York University Press, 2006.
- Koh J., Beck A. Parks, People and City. *Topos*, 2006, vol. 55.
- Komninos N., Pallot M., Schaffers H. Special Issue on Smart Cities and the Future Internet in Europe. *Journal of the Knowledge Economy*, 2012, vol. 4, no. 2, pp. 119–134.
- Lessig L. *Code: Version 2.0*, New York, Basic Books, 2006.
- Lindtner S., Szablewicz M. China's Many Internets: Participation and Digital Game Play Across a Changing Technology Landscape. Paper presented at the China Internet Research Conference, Peking, China, 2010. Available at: http://feiyan-owan.files.wordpress.com/2011/09/lindtner_szablewicz-circ_final.pdf.
- Loures L., Santos R., Panagopoulos T. Urban Parks and Sustainable City Planning — The Case of Portimão, Portugal. *Wseas Transactions on Environment and Development*, 2007, vol. 10, no. 3, pp. 171–180.
- Marcus G. Facebook and the Future of Search. *The New Yorker*, January 16, 2013. Available at: <http://newyorker.com/news/news-desk/facebook-and-the-future-of-search>.

- Martinez-Fernandez C., Audirac I., Fol S., Cunningham-Sabot E. Shrinking Cities: Urban Challenges of Globalization. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2012, vol. 36, no. 2, pp. 213–225.
- Mitchell W. J. *City of Bits: Space, Place, and the Infobahn*, Cambridge, MA, The MIT Press, 1996.
- Molotch H. Place in Product. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2002, vol. 26, no. 4, pp. 665–688.
- Nelson L., Nelson P. B. The Global Rural: Gentrification and Linked Migration in the Rural USA. *Progress in Human Geography*, 2011, vol. 35, no. 4, pp. 441–459.
- Papacharissi Z., Mendelson A. Toward a New(er) Sociability: Uses, Gratifications and Social Capital on Facebook. *Media Perspectives for the 21st Century* (ed. S. Papathanassopoulos), London, Routledge, 2011, pp. 212–230.
- Park H. W., Barnett G. A., Chung C. J. Structural Changes in the 2003–2009 Global Hyperlink Network. *Global Networks*, 2011, vol. 11, no. 4, pp. 522–542.
- Rangaswamy N., Cutrell E. Re-Sourceful Networks: Notes from a Mobile Social Networking Platform in India. *Pacific Affairs*, 2012, vol. 85, no. 3, pp. 587–606.
- Robinson J. Global and World Cities: A View from off the Map. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2002, vol. 26, no. 3, pp. 531–554.
- Rosen D., Barnett G. A., Kim J. H. Social Networks and Online Environments: When Science and Practice Co-Evolve. *Social Network Analysis and Mining*, 2011, vol. 1, no. 1, pp. 27–42.
- Sassen S. Locating Cities on Global Circuits. *Environment and Urbanization*, 2002, vol. 14, no. 1, pp. 13–30.
- Sassen S. *Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages*, Princeton, NJ, Princeton University Press, 2006.
- Sassen S. *The Global City: New York, London, Tokyo*, Princeton, NJ, Princeton University Press, 2001.
- Scott J. *Corporate Business and Capitalist Classes*, New York, Oxford University Press, 1997.
- Soja E. W. *Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions*, Oxford, Blackwell, 2000.
- Taylor P. J. *World City Network: A Global Urban Analysis*, London, Routledge, 2004.
- Terranova T. Free Labor: Producing Culture for the Digital Economy. *Electronic Book Review*, June 20, 2003. Available at: <http://electronicbookreview.com/thread/technocapitalism/voluntary>.
- The Global Cities Reader* (eds N. Brenner, R. Keil), London, Routledge, 2006.
- The Global Transformations Reader* (eds D. Held, A. McGrew), Cambridge, UK, Polity Press, 2000.
- The Regeneration of Public Parks* (eds J. Woudstra, K. Fieldhouse), London, Spon Press, 2000.
- Tranos E., Gillespie A. The Urban Geography of Internet Backbone Networks in Europe: Roles and Relations. *Journal of Urban Technology*, 2011, vol. 18, no. 1, pp. 35–50.
- Tseng Y. F. Shanghai Rush: Skilled Migrants in a Fantasy City. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2011, vol. 37, no. 5, pp. 765–784.
- Warlaumont H. G. Social Networks and Globalization: Facebook, YouTube and the Impact of Online Communities on France's Protectionist Policies. *French Politics*, 2010, vol. 8, no. 2, pp. 204–214.
- Zhong Y. The Chinese Internet: A Separate Closed Monopoly Board. *Journal of International Communication*, 2012, vol. 18, no. 1, pp. 19–31.
- Zook M. A. Underground Globalization: Mapping the Space of Flows of the Internet Adult Industry. *Environment and Planning A*, 2003, vol. 35, no. 7, pp. 1261–1286.